

Зальцбург запасся Моцартом

«Царя-пастуха» исполнили к 250-летию композитора

Космосервис 3 - 2006 - фев. - с. 13

Этим летом Зальцбургский фестиваль почти безраздельно посвящен Моцарту: 250-летие композитора отмечают исполнениями ровно всех его опер, к которым прибавлены также его оратории (и даже один «сценический фрагмент» — незавершенная опера «Заида»). Среди безусловных редкостей, извлеченных при этом на свет, — опера «Царь-пастух» (*Il re pastore*), поставленная в качестве копродукции с Бременским музыкальным фестивалем и Боннским Бетховенским фестивалем. В Большой зале зальцбургского университета сочинение 19-летнего Моцарта слушал СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

«Царь-пастух» был написан в 1775 году по заказу тогдашнего патрона юного композитора — князя-архиепископа Зальцбургского Иеронима фон Коллоредо. Загад был по случаю: в город приезжал брат императора Иосифа II, и неудивительно, что в качестве либретто Моцарту был предложен именно «Царь-пастух» Пьетро Метастазиио, венского поэта *cesareo* (придворного либреттиста). К тому моменту «Царя-пастуха» уже положили на музыку многочисленные музыкальные светила Европы, включая Гассе, Йоммелли, Глюка и Галуппи. Моцарту, однако, пришлось иметь дело с сокращенной версией либретто, вместо большой оперы в трех действиях он создал «серенату» — двухактное «музыкальное увеселение».

Искусно запутанный, несмотря на элементарные исходные данные, сюжет вполне типичен для Метастазиио. Есть прекраснородушный монарх (в данном случае Александр Великий), не принимающий поначалу в расчет человеческих слабостей и секретов. Есть главный герой — пастух Аминта, на самом деле оказывающийся потерянным наследником царя финикийского города Сидона, и при нем взаимно любимая пастушка Элиза. Есть еще Александров советник Агенор, влюбленный в Тамирис, дочь узурпатора, которого македонский завоеватель прогнал из Сидона. В Аминте заинтересованные лица признают царевича в самом начале оперы, и все дальнейшие перипетии вызваны только чередой натянутых недопониманий: Амин-

Анетта Даш демонстрировала достоинства своего сопрано на фоне безобразничающих овечек ФОТО REUTERS

та не хочет занимать трон, потому что опасается за любовь Элизы, Агенор стесняется как следует выяснить отношения с Тамирис, потому что боится гнева Александра. Александр, не разобравшись, собирает выдать Тамирис за Аминту, и все, показательно страдая, пытаются смиренно исполнить предписанное — пока путаница взаимоотношений не проясняется, и милостивый завоеватель в финале соединяет браком две пары.

Среди многочисленных образчиков почтенной итальянской *opera seria* от Моцарта «Царь-пастух» — пасынок. Исполняют его редко, даже в Зальцбурге. А нынешняя сценическая постановка, где режиссером неожиданно выступил немецкий «барочный» дирижер Томас Хенгельброк (руководитель оркестра «Бальтазар-Нойманн-ансамбль», который и играл на спектакле), и вовсе для фестиваля первая. Несмотря на то что эта постановка входит в число нескольких премьер нынешнего фестиваля (остальное постепенно ставили на протяжении последних лет), с оперой и в этот раз обошлись

без особой помпы. Университетская зала относится к фестивальным площадкам второго плана, да и сама постановка не претендует на преподнесение зрителю универсального шедевра: скорее уж милая безделица, камерная и немного нелепая.

Сцена затянута черным занавесом, который по середине прерывается небольшой ярко освещенной белой «коробочкой» — видимо, сценой на сцене, чем-то наподобие ярмарочного балагана. В ней разыгрываются угрированно напыщенные части оперы: излишества сопраноголосого Аминты (Анетта Даш) и Элизы (Марлис Петерсен), благородные декларации Александра (тенор Кресимир Спичер). По белому заднику, соответственно, пробегают силуэты то безобразничающих овечек, то сражающихся войск, то сердец и корон. Первая пара влюбленных — лицедеи, за игрой которых наблюдают, а подчас и вмешиваются в нее все остальные (видимо, на правах постановщиков); только Аминта и Элиза одеты в забавно стилизованные наряды пастушка и пастушки, в то время как остальные

расхаживают во вполне заурядной современной одежде (за исключением Александра, который для своих арий спешно набрасывает поверх комбинезона какой-то фараонский потешный наряд).

Музыкальная сторона спектакля существует как бы в отрыве от непритязательного зрелища — то, что режиссурой занялся дирижер, довольно ощутимо: все ужимки и прыжки как бы надстроены над строгой чередой речитативов и арий, перескакая с излагаемой в них историей лишь изредка. Молодые певцы, задействованные в постановке, обнаружили не только солидные и ровные в целом вокальные данные, но и неплохое чувство стилистика, задушевная — не то чтобы на этом фоне бледнела. Среди двух теноров эффектнее оказался все-таки второй, Андреас Карасяк (Кресимир Спичер при красивом интеллигентном тембре многочисленных колоратуры своих арий выдавал несколько смазанными), и стоило пожалеть, что его персонажу — Агенору — досталось лишь две арии. Отдельное впечатление производил сам «Бальтазар-Нойманн-ансамбль» (названный, что занятно, в честь не музыканта или композитора, а знаменитого архитектора южнонемецкого барокко), играющий на аутентичных инструментах. Темпы, задаваемые Томасом Хенгельбромом, часто не на шутку стремительные, однако оркестр справляется слаженно и с блеском. Причем сложно было сказать, где блеска больше: в бравурных ариях Александра с трубами и литаврами или в лиричнейшем рондо Аминты «*L' amero, saro costante*» — эта ария, теплотой и благородством предвосхищающая многие хрестоматийные страницы из более позднего Моцарта, безусловно, запоминается почти магическим проблеском посреди спектакля, который ни на что подобное в остальном не претендует.

20 08 07

Моцарт В. С. А. Увертюра